

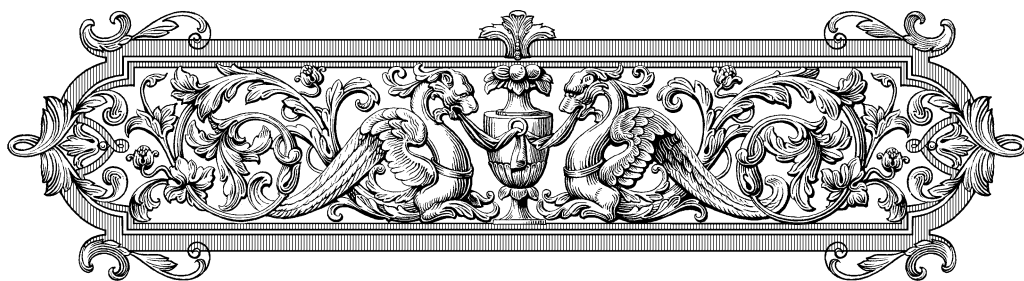
МУДРОСТЬ ВЕКОВ

ИГОРЬ ГАРИН

ФИЛОСОФИЯ

Харьков
«ФОЛІО»
2020

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

ЗОВ БЫТИЯ

Все наше достоинство — в способности мыслить... Постараемся мыслить достойно.

Б. Паскаль

Требуется величайшая тщательность, когда мы отваживаемся начать разговор на тему «что это такое — философия?».

М. Хайдеггер

Пытаясь ответить на вопрос «что есть философия?», М. Хайдеггер, отождествлявший свою избранницу с процессом или путем, в качестве главного императива потребовал не разглагольствования о философии (пребывая вне ее), но — вхождения в нее: «...войти в философию, обосноваться в ней, вести себя в согласии с нею...». Понять философию это, прежде всего, двигаться внутри нее, а не вне ее и не вокруг.

Что значит пребывать в философии, двигаться внутри нее, обосноваться в ней? Это значит быть открытым Бытию, слышать зов Бытия, уметь настроиться на мелодию Бытия, быть способным охватить сущее взором, понять аристотелевы «первые основания и причины». Ведь, по словам С. С. Хоружего, философия начинается с Начала. С темы Начала: начала как такового, начала сущего, начала (начинания) философской мысли и речи...

Сам термин «философия» греческого происхождения. Он является производным от пущенного в ход, видимо, Гераклитом прилагательного «φιλῶσοφος», выражающего стремление к σοφόν, сущему в Бытии. Философия — стремление к сущему, путь к Бытию сущего, поиск соответствия Бытию сущего.

Соответствие бытию сущего и есть философия, однако же тогда, и только тогда, когда это соответствие осуществляется, а тем самым раскрывается и расширяет свое раскрытие. Это соответствие осуществляется по-разному, в зависимости от того, как говорит зов Бытия, услышан ли он или нет, высказывается ли услышанное или замалчивается.

Изначально философия не была отвлеченной игрой чистых понятий или совокупностью знаний о мире. Для даоса, буддиста, пифагорейца, киника, францисканца, «любовь к мудрости» совпадала с любовью к жизни, преобразовывала психический облик человека, становилась формой существования — прямым ответом жизни на зов Бытия. Досократики, еще не освоившие понятийное мышление, еще не изобретшие дихотомию «субъект — объект», не отделяли мышление от существования и логос от мифоса.

Возможно, это преувеличение, будто для древних философствование было способом существования, но отношение древнегреческих философов к открывшейся им интеллектуальной мудрости представляется мне более трепетным, страстным, вовлеченным, нежели современных «профессионалов». Досократики первыми ощутили философию как высвобождение духа — отсюда их религиозное почтение к мудрости.

Среди афоризмов Ю. А. Шредера нахожу: «Философия — это странная вера в то, что знание фундаментальных свойств реальности небезразлично для личного существования». Мне представляется, что именно античные схолярхи впервые приобщились к этой страстной вере сознательно и вдохновенно.

Глубочайшие философские мысли, писал Карл Ясперс в *Великих философах*, должны стать всеобщим достоянием, ибо прочны они только тогда, когда восприняты. Философия необходима для того, чтобы облегчить человеку поиск ответов на насущные вопросы бытия.

Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек? Можно ли определить мудрость? Чему и кому она служит? Мудрость — знание или вера? Какова ее природа? Есть ли предел человеческому знанию? Что есть истина? Учит ли философия жить?..

Кто, у истока став, познал первопричину?
Кто, магом и царем сойдя в сию пучину,
Всех тайн хранит ключи?
О, призраки людей, несчастием согбенных!
Кто произнес: «Творец, нам хватит солнц-вселенных.
Довольно. Опочий!».

Философии нельзя обучиться. Ибо где же она? Кто ею обладает и какие черты ей свойственны? Как отличить профессионала от харизматического мудреца? Чем великие философы отличаются от малых сих? Можно ли одной философией опровергнуть другую? Надо ли вообще опровергать? Действительно ли философия только демагогия для избранных? Правда ли, мир — это мяч, отданный на забаву философам?

Крупнейший философ нашего времени М. Хайдеггер считал, что не следует переоценивать философию, перегружать ее требованиями: «Что нужно в нынешней мировой нужде: меньше философии, а больше внимания к мысли; меньше литературы, а больше заботы о букве». А может быть, больше заботы о человеке?..

Действительно ли философом является каждый человек, задумывающийся о смысле собственного существования? Правда ли, что профессиональный философ отличается от дилетанта только языком и манерой? — «Профессиональный философ выражает и эксплицирует особого рода состояния, которые поддаются пересказу лишь на философском языке. Иначе они остаются той самой ласточкой Мандельштама, которая вернулась в чертог теней, не найдя себя».

При иерархической структуре мудрости не следует пренебрегать «малостями» — для кого-то они огромные внутренние миры.

Сегодня философию лучше называть полисофией, для которой субъекты не менее важны, чем объекты, которые она изучает. Философия широка и обильна, простираясь от самого грубого сенсуализма до самой смелой мистики. Не следует обужать философию. Наобужались...

В конце концов, количество высказанных идей не столь велико, чтобы отвергать какую-либо из них. Опровергать метафизические идеи неосмотрительно и опасно: слишком часто несогласие с другими — свидетельство собственной ограниченности. Большинству вообще опасно открывать рот... Читатель, знай — каждый раз, когда я выражаю несогласие с кем-то, во мне проявляется авторитарность, коей, увы, вскормлен.

Пребывать в философии, слышать зов Бытия, приобщаться к сущему отнюдь не означает обрести последнюю или окончательную истину. Во-первых, никакой разум не может быть очищен от веры, страсти, пафоса, сомнения, амбиций. Во-вторых, процесс, *путь* — бесконечны, сам *путь* оказывается многими путями, как отмечал еще Стагирит: «Сущее-Бытие выходит к свету многими путями».

И у Платона, и у Аристотеля мы обнаруживаем главными истоками философствования — удивление, пафос, волнение чувств, настрой: «Именно благодаря удивлению люди достигают теперь, как и впервые, господствующего истока философствования» (Аристотель). Здесь «удивление» носит оттенок не столько «любопытства», сколько настроенности и расположенности: философия — настроенность на раскрытие Бытия сущего, «тот настрой, в каком греческим философам было дано соответствие Бытию сущего», и то звучание, которое делает слышимой вещь вещи.

М. Хайдеггер:

Мы пытаемся вслушиваться в голос Бытия. В какой настрой приводит он сегодняшнее мышление? На этот вопрос едва ли можно ответить однозначно. Вероятно, какой-то основной настрой сегодня господствует. Однако пока он остается для нас сокрытым. Это следует считать признаком того, что сегодняшнее мышление еще не нашло своего единственного пути. Мы наблюдаем лишь разного рода настрои мышления. Сомнение и отчаяние, с одной стороны, и слепая одержимость непроверенными принципами, с другой, противостоят друг другу. Опасение и страх перемешаны с надеждой и уверенностью. Зачастую мы думаем, что мышление, имеющее характер рассуждающе-

го представления и исчисления, совершенно свободно от всякого настроения. Но и холодность расчета, и прозаическая трезвость плана суть приметы некоей настроенности. И не только; даже разум, стремящийся быть свободным от всякого влияния страстей, настроен, будучи разумом, на уверенность в логико-математической постижимости своих принципов и правил.

Именно принятое на себя и проводимое нами соответствие, которое отвечает на зов Бытия сущего, и есть философия. Мы узнаем и знаем, что такое философия, лишь когда испытываем как, каким образом (*auf welche Weise*) философия существует. Она существует в мелодии (*in der Weise*) соответствия, настраивающегося на голос Бытия сущего.

Каждый писатель, свидетельствует Г. Маркес, пишет только одну книгу, хотя она и выходит во многих томах и под разными названиями. Каждый философ раскрывает свой настрой, содержание своего сознания, демонстрирует склад своего ума. Любая философия связана со структурой сознания и личностью ее творца. Здесь не случайны звуковые реминисценции: в бесконечно разнообразном мире каждый «свидетель истины», подобно камертону, отзывается на тот тон, который звучит в нем самом. Каждый танцует под другой барабан. Не случайно праздник танца назывался в Греции *theoria*.

Философия, в значительной мере, есть склад ума, внутреннее «обустройство» сознания, нередко — продукт мифологии конкретного мозга. Экстремизм, фанатизм, истерический цинизм, радикализм, нарциссизм — плоды интеллектуальной и эмоциональной неразвитости, «распряменности» извилин, зашоренности, узости взгляда на мир, духовной слепоты. Слоттердаjk в К р и т и к е ц и н и ч н о г о р а з у м а предостерегал от истерического отношения к миру и людям, сжигающего человека изнутри. Необходимо бережно обходиться с миром и человеком, оберегаться от глухоты и душевной коррозии, ориентироваться на естественность, ответственность, человечность, полноценно жить внутренней и внешней жизнью.

К. Ясперс главными началами философии считал удивление, сомнение и осознание потерянности человеческого существования. Удивление опосредствует незнание, преодолевает чувство самодостаточности, пробуждает надежду на обретение скрытой истины, побуждает ее поиск. Сомнение дает возможность осознать условность и негарантированность добытого знания. Посредством критики авторитета оно разрушает зыбкое и сомнительное, ищет новые основания более достоверному.

Однако удивляющийся и сомневающийся человек, несмотря на всю радикальность своего сомнения, может тем не менее быть занят лишь миром вещей и их отношений и, следовательно, быть отвлеченным от своей собственной экзистенциальной ситуации. Лишь обратив внимание на последнюю, человек, по Ясперсу, осознает всю глубину собственной незащищенности и потерянности. Императивом в этом случае становится одно: «Ни на что в мире нельзя положиться». Человек беспомощен перед лицом природных стихий. Та безопасность, которую удалось обрести ему в результате долгого развития цивилизации, есть лишь иллюзия защищенности. Человек все

так же смертен, подвержен болезням, опасностям, случайностям, как и многие тысячи лет назад.

Объединение людей в общества, союзы для совместного решения жизненных проблем создало новые угрозы. Человек оказывается беспомощным и перед лицом социальных катаклизмов: войн, революций, восстаний, групповой борьбы. Никакое государство, никакой общественный институт, никакая идеология не могут дать человеку гарантированной защищенности. Жизнь неумолимо ставит человека в *предельные ситуации* (термин ясперсовской философии) — смерть, страдание, борьба, вина — в которых человек осознает свою беспомощность перед загадочным Целым жизни. Вопрос, рождающееся из этой беспомощности, и есть, по Ясперсу, третий — вместе с удивлением и сомнением — источник философствования. Ясперс полностью принимает формулу стоика Эпиктета: «Начало философии — это опыт нашей собственной слабости и бессилия». В предельных ситуациях человек беспомощно ищет, за что схватиться, в чем обрести опору, ищет прежде всего ту *идею*, которая помогла бы выйти из безвыходного положения. И отчаяние самим фактом своего появления в мире, подчеркивает Ясперс, свидетельствует о том, что находится вне мира. Человек хочет быть спасенным. Философия не может дать этого спасения, однако «философствовать — это всегда побеждать мир, это нечто аналогичное спасению», — пишет Ясперс.

Философия — всегда свидетельство единичного сознания и в силу одного этого не имеет права покушаться на сознание другого. Внутренний мир человека, субъективность, личностное начало — такая же, если не большая, реальность, чем мир внешний. Никому не дано испытать *мою* любовь, боль, радость. Никто не может увидеть мир *моими* глазами или попробовать яблоко за *меня*... Убеждение всегда персонально и нет большей опасности, чем «единый строй» или «нерушимое единство». Духовное насилие — самый страшный вид принуждения, ведущий к зомбированию и деградации масс.

Философия — не собрание готовых истин, не кодекс императивных требований, не то, во что нужно верить, но — вечное движение, свободное творчество жизни, «философский труд, существующий в единстве с жизнью человека».

Божественное происхождение человека, его статус «чувствилища» Бога, его неотрывность от божественного, символизируемая Христом, дает основание для фантастической, с первого взгляда, гипотезы о соавторстве человека в миротворении. Я хочу сказать, что эволюция знания — не просто углубление нашего понимания мира, но — внимание! — в известной степени — миротворение. Парадигмальные мудрецы *не открывают* новые срезы бытия, но *творят их*! Я хочу сказать, что не все заложено в мире изначально, но — постепенно *вкладывается* в него *нами*! Когда мы обретаем смелость посягнуть на время, тогда откроется возможность путешествовать в нем. Когда нам хватит сил стать сверхчеловеками, это свершится. Я не верю в бессмертие, в ужас бессмертия, но и продолжительность жизни — в наших руках: когда мы дадим себе категорическое предписание жить дольше и качественнее — да будет!

Философия — открытие новых миров, путь в неизвестное, куда еще не ступала нога человека.

Цель философии — сделать человека свободным гражданином мира, научить его мыслить лично и человечно одновременно, философия и есть выражение духовной свободы, освобождение от внешнего насилия, внутренняя опора. Философия — форма персонального беспокойства.

Сознание человека должно быть свободным и открытым. Необходимо постоянно обогащать сознание, воспроизводить духовность, быть готовым к новизне, «безумным идеям», пролиферации идей. Важно только не становиться рабом собственных химер, не попадать в плен маниям или утопиям.

Философия — потребность сознания в самовыражении, «беседа души с самой собой» (Платон). Раскрытие сознания и есть единственная философская реальность: глубина, ясность и перспективность самовыражения. Это — не отрицание объективной реальности, а утверждение ее, ибо что может быть содержательней и реальней, нежели исходная точка жизнедеятельности — сознание человека?

Философия — панорама человеческой души, так напоминающая природные стихии.

Философия — это уход в себя, самообнажение, по словам Ортеги, подведение счетов с самим собой, причем с той «ужасающей обнаженностью», которую человек может позволить себе только лишь наедине с собой.

Эволюция, восхождение философии — это движение от племенного к человеческому, от «мы» к «я», от массового к личному, от космоса вне нас к космосу внутри нас.

Философия — стиль мышления, движение души. Философия — движение в сознании, его ритм, мысль мысли.

Кант говорил: самое трудное — это движение в сознании, отличая тем самым последнее, в частности, от выполнения ритуала. Люди, писал он, могут выполнять ритуал, но не делать при этом самого главного — совершать движение души.

Понять, как функционирует человеческий ум, что движет человеческое сознание, почему в разных сознаниях возникают несовместимые идеи, может быть, самое трудное для земного человека. Ясно лишь одно: обилие философий — разнообразие сознаний и человеческих обстоятельств.

Мыслить — это изобретать понятия, смыслы, знаки мысли. По словам П. Флоренского, философия — это «имяславие», мысли, получившие собственное имя.

Итак, *термин*, в разъясненном смысле слова, есть граница, которою мышление самоопределяется, а потому и самосознается. Способ установки этого

рубежа определяет и способ самопознания мысли, т. е. сознание того акта, той деятельности, которую ставится эта граница. Останавливая свою безбрежную кипучесть, мысль тем самым осознает себя как останавливающую, т. е. обретает в своем потоке нечто твердое, нечто неподвижное; но неподвижное это — не внешне ей, а есть ее же собственная деятельность, подвижная неподвижность ее же собственного акта, живое усилие и силовое напряжение. В могуче напряженном и как бы из стали отлитом мускуле совершаются мельчайшие вибрации, которыми и обнаруживается жизненность мускульного усилия. Когда мы стоим, то непрерывно падаем, — то в одну сторону, то в другую. И напряженный мускул, и стоящий человек действуют, усиливаются, живут. Так и *термин*. Недвижно стоящий пред мыслью, он на самом деле есть живое усилие мысли, *наибольшее* обнаружение ее напряженности. Можно согласиться с тем, что термин есть граница мысли, которую она сама себе устанавливает.

Мыслить — «оживлять» термины, давать все более глубокие имена, более точные значения, графемы, непрерывно наращивать смысл, потенциальную энергию мысли, «прясть и дальше всю нить жизни-мысли и притом так, чтобы нить делалась все мощнее».

Обилие философий — в различии смыслов, вкладываемых в одни и те же основополагающие понятия: истину, ценность, цель, причину, противоречие и т. п.

Так, люди считают «положение о противоречии» вневременно значимым «первопринципом» («аксиомой»), не задумываясь над тем, что это положение для метафизики Аристотеля имеет принципиально иное содержание, играя в ней иную роль, чем для Лейбница, и обладает опять же одной истинностью в метафизике Гегеля и другой — в метафизике Ницше.

Н. А. Бердяев видел в истории философии историю самосознания, и, развивая мысль, писал: «Философия есть самосознание человеком его царственной и творческой роли в космосе».

Человеческое сознание в основе своей есть самосознание. Даже осознание человеком вещей или *других* лично: представление всегда соотносено с представляющим «Я».

Любое определение философии есть разновидность догматизма; философия или неопределима, или — незамкнутая совокупность всех определений. Философия — обилие, общение и конкуренция философий, предполагающая возможность дополнения и обновления.

Подобно тому, как нельзя однозначно определить философию, невозможно и создать единую философскую систему, как это пытались делать философы прошлого. Если такое «единство» существует, то проявляется оно в том, что, говоря свое персональное слово, свое главное слово, каждый философ всегда говорит об одном и том же — о «бытии сущего», «о присутствующем в его присутствии». Чем дальше пытается уйти говорящий от бытийного, тем глубже он погружается в него.

Даже философы-аналитики признают, что значение философии нельзя оценивать исключительно по ее истинности: «истина — не единственное достоинство, которым может обладать метафизика». Я бы выразился сильнее: любителям истины лучше не обращаться к философии. Правда, я не могу им посоветовать, куда им обращаться. Метафизика может иметь красоту, вселять веру, давать цель. Скажем, достоинством философии Плотина является ее красота, сравнимая с завершающими строками дантовского *R a* я:

Время от времени сделанные им описания вечного мира славы
Несут нашей измученной душе
Ту безмятежную песнь чистой совести,
Которую я пою перед сапфирно-синим тронном
Тому, кто на нем восседает.

Философия может иметь и другое значение; она хорошо выражает то, чему люди в определенном настроении или при определенных обстоятельствах склонны поверить.

Чувства, которые чаще встречаются в музыке и поэзии, очеловечивают и философию, без них мудрость становится пресной и привлекательной лишь для людей определенного «сухого» темперамента, к коим я явно не принадлежу.

Философия неотрывна от сознания, но что может быть сложней его? Сознание человека, в котором разворачивается, проигрывается, идеологизируется, мифологизируется мир, — самая непостижимая сущность Бытия. Ответить на вопрос, почему мы думаем, что думаем *правильно*, практически невозможно. То, что происходит *внутри* нашего сознания, нам менее всего доступно.

Наше мышление всегда есть оперирование нами нашим же собственным мышлением. И оно всегда принципиально иное, чем то, чем мы оперируем. Или можно сказать так: есть Бытие и есть способ бытия, и это в принципе разные вещи.

Почему мы уверены, что думаем *правильно*? — Потому что наше мышление оперирует с самим собой. Потому что «правильность» собственного сознания — тебе принадлежащее и тобою вспаханное поле. Способ бытия и Бытие — не просто разные вещи: философствуя, мы как бы присваиваем себе, делаем своей собственностью такую малость, как Бытие...

Философствование есть дешифровка результатов нашего мышления в такой же или даже большей степени, чем зеркальное отражение срезов мира. Но поскольку происходящее в мышлении мышлению менее всего доступно, наши думы представляются нам высшими истинами. Вот почему высокую цену имеют не истины, а сомнения в них. Я бы усилил эту мысль: качество и производительность мышления — не в производстве мыслей, а в трезвой самооценке.

Сущность сознания человека по своей сложности подстать Бытию. Автоматизм сознательных актов, слабое трение движения мысли создают иллюзию простоты, но

вряд ли в мире есть нечто сравнимое по сложности с «поток сознания», с тем, что за ним стоит.

Философия — плод сознания, самого сложного, неопределенного, плюрального, синкретического результата эволюции. История мысли — это бесконечные попытки «обуздить» сознание, втиснуть его в прокрустово ложе диалектики, логики, той или иной системы. Даже соглашаясь с тем, что сознание имеет свою структуру, порядок, подчиняется определенным правилам функционирования, я категорически отвергаю однозначность, внутреннюю непротиворечивость, «логичность» сознательных актов.

К философии применима модифицированная теорема Гёделя, суть которой прекрасно выражена Д. Локком: невозможно создать философию одновременно и правдоподобную и внутренне последовательную.

С легкой руки Канта философия начала исследовать эйдосы функционирования сознания. Виндельбанд определил ее как дисциплину о нормальном сознании.

Философ — гражданин мира. Это значит — умеющий мыслить. Первые два правила мышления Канта сводятся именно к этому: мыслить самому и уметь смотреть на мыслимое глазами другого (это и значит быть гражданином мира).

Цель философии — озвучивание сознания, «высказывание вслух того, от чего отказаться нельзя». Философия — жизнь сознания в понятиях и идеях, язык, на котором расшифровываются свидетельства сознания. К ней вполне применимо то, что Пруст говорил о поэзии: поэзия — чувство собственного существования.

Философия — сознание вслух, ритм мышления, путь мысли, пролегающий через личные испытания философа, благодаря которым мы обретаем незаменимый личностный опыт (М. Мамардашвили). Философия — то, что впечатляет, заставляет чувствовать глубже, испытывать радость или страдание. Философия — дантовы странствия души, собрание символов сознательной жизни. Философия — драма идей.

Философия как сгущенная мысль, как живое вещество сознания.

Философия как изначальная данность сознания, как индивидуальное его поле, как обращенность сознания на самое себя (рефлексия).

Философия как внутренняя потребность философствования, как реакция человеческого сознания на «звонкость Бытия».

Философия как высшее выражение свободы мышления, «равнодалекой как от раболепия, так и от распущенности».

Философия как самоорганизация мысли, как целостность мышления.

Философия как взор души.

Думается, адекватно определить предмет философии нельзя без обращения к представлению о рефлексии. Рефлексия есть обращенность сознания на самое себя. В рефлексии сознание полагает самое себя в качестве предмета. Рефлексия, ориентированная на познание всеобщих форм и предпосылок

человеческой деятельности, становится философией. Философию поэтому можно рассматривать как культивированную, целенаправленную рефлексию. В русле философии рефлексия конституируется как устойчивая, воспроизводящаяся форма духовности и познания. Сам вопрос, который в марксистской традиции принято считать основным вопросом философии, не имеет смысла и не может возникнуть вне рефлексивной позиции.

Философия — продукт «темного ящика» сознания; его механизмы, природа, причина нам не известны. Трудности взаимопонимания естественны, потому что у каждого свой «ящик». Производство мысли человеческой — величайшее таинство и, возможно, убедительный аргумент в пользу бытия Бога.

Философия, полагал Х. Ортега-и-Гассетт, суть бесстрашное погружение в то, что каждый считает своей жизнью и что на деле оказывается только ее оболочкой: «пробив ее, мы попадаем в подземные глубины нашего бытия, остающиеся для нас тайной просто потому, что они находятся внутри нас, потому, что они — наша суть».

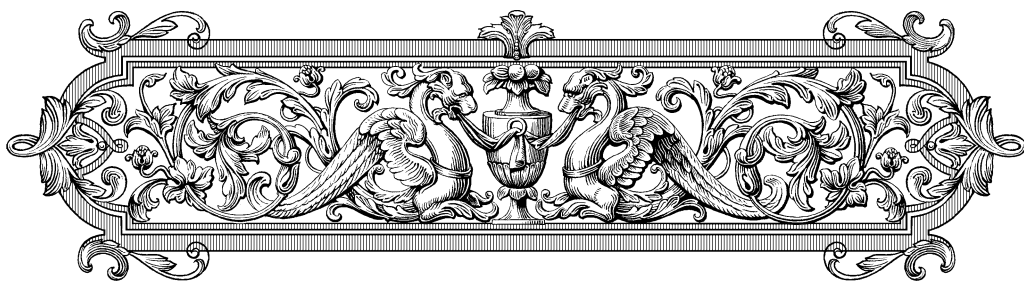
Философия — продукт мышления, сущность которого — одна из «первых сущностей». Самое сложное в природе — понять причину идей. Если бы явления являли свои сущности и причины, не было бы ни науки, ни философии, ни искусства: бери и смотри. Сущности и причины являет не Бытие, а целостная мысль о нем. Гениальность — это способность к целостному мышлению. Все видят Землю, Солнце, небо, свет, движение, но то, что оказывается увиденным как эйдос, энтелехия, закон всемирного тяготения, небесная механика, частица-волна, является в виде мысли в голове единственного человека. И эта мысль отнюдь не зеркальное отражение, а глубинная мысленная структура мысленной целостности.

Люди не способны не только попробовать яблоко за другого, но и мыслить как другой. Даже повторение хода мысли Ньютона или Канта — это уже *мое* сознание, а не их, *другое* мыслительное «яблоко».

Любая философская система создается, прежде всего, как средство самозащиты. Если так, то каковы критерии истинности подлинной держательницы разума — философии? Как, философствуя, не стать рабом собственных химер? Можно ли думать *правильно*? Существуют ли правила для ума?

Вообще говоря, мы не знаем, почему мы знаем, почему мы способны знать. «Вещь сама по себе» — не только формула вечной темноты, но и констатация непостижимости процесса уяснения (просветления), возможности постичь, не постигая пути к постижению. Внеразумное вразумление — это именно то, что Декарт называл «врожденными идеями», а Кант «чистыми созерцаниями»: «...мы можем понять что-то в мире в терминах причины только тогда, когда понятие причины у нас уже *есть*».

Философствование в неявной форме всегда содержит элемент до-знания, предсуществования в сознании точек опоры, вех, ориентиров, причин, первоэлементов упорядочения — всего того, что *определяет* движение мысли.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?	5
Зов Бытия	5
«Ничья земля»	35
Пребывание в пути	42
Философия — поэзия, музыка, миф... ..	59
ОТ БЭКОНА ДО РУССО	78
Что такое Просвещение?	78
Почти апология	88
Апология разума?	91
Человек	99
Легисломания	102
Лорд Веруламский	107
Макиавелли из Мальмсбери	125
Левиафан	131
Родившийся на лугу	136
Cogito ergo sum	140
Правила для руководства умом	147
Апостол ереси	154
На краю экумены, или «Здравствуй, Спиноза!»	167
Theissimus	181
Самый искренний лжец	188
Дорогой ребенок, которого никто не хотел	203
Сластолюбивый киник XVIII века	205
Смесь из сентиментальности и катара мочевого пузыря	209
Первородная доброта, или назад к природе	212
Contract social	216
Руссо и де Сад	225
Сын ножовщика из Лангра	232
Философ горы	236
Сократ, поучающий королей	240
Время	243

ПАСКАЛЬ	250
Надо ненавидеть себя?	253
Человековедение	254
Он искал, стена	260
Надо поглупеть?	264
Наследство	268
БЕРКЛИ	273
ЮМ	290
КАНТ	298
Солнечное сплетение философии	298
Сын шорника из Кёнигсберга	305
Коперник философии	316
Теория познания	333
Об антиномиях, или был ли Кант диалектиком?	347
Ding an sich selbst, или phenomena и noumena	350
Этика	357
Эстетика	369
От телеологии к теологии	374
Политология	377
Педагогика	380
Zurück zu Kant!	383
Искуситель	390
Время	399
ШЕЛЛИНГ	408
Подвижник из Леонберга	408
Учение о бытии	410
От философии природы к теософии	412
Реальность как диалектическая тотальность	417
От тождества и свободы к философии религии	419
Интуиция	426
Искусство	428
Тропы в грядущее	429
Время	432
ГЕГЕЛЬ	434
Пророк, предсказывающий назад	434
Гегель и конец философии	451
Теодицея	455
Система	456
Мистика диалектика, или софистика гегелевского типа	460

История философии	469
Политология	474
Отчуждение	478
Параллельно	482
Два слова о религии	487
Искусство как воплощение идеи	487
О гносеологии	490
Время	498
ШОПЕНГАУЭР	500
Кто и откуда?	500
Предтечи	503
Быть — значит желать	505
Этика	515
Как обуздать волю?	520
Философия как эстетика	522
Смерть как исцеление	525
Наследники	528
Время	532
Приложение	533
КИРКЕГОР	541
Путь к Киркегору	541
Несчастнейший	552
Захолустный гений, или утрата иллюзий	556
Критика современной эпохи	561
Что значит быть?	568
Что есть истина?	575
Tels quels	578
Время	582
Приложения	585
НИЦШЕ	619
Переоценка всех ценностей	619
Философия жизни, человека, культуры	628
Воля к могуществу	642
Вечное возвращение	649
«Жизнь — средство познания»	655
Дон Жуан познания	680
БЕРГСОН	698
Интеллект и интуиция	698
«Материя и память»	716
«Творческая эволюция»	718

«Два источника морали и религии»	722
Длительность и время	729
ПРАГМАТИЗМ	741
ДЖЕМС	757
ГУССЕРЛЬ	770
Приложение	794
ХАЙДЕГГЕР	801
Бытие и Ничто	801
Sein и Dasein	806
Человек и земля	815
Язык	829
Время как горизонт бытия и время как бытийность заботы	840
Приложения	847
ЯСПЕРС	877
Die Geistige Situation der Zeit	877
Massendaseinsordnung	880
Я выбираю, следовательно, я существую	883
Экзистенция и трансценденция	886
Пограничные ситуации	891
Gehäuse	892
«Осевая эпоха» и историчность	893
Время	897
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ	899
ВИТГЕНШТЕЙН	926
АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	937

